
Артур СКВАБЧЕНКОВ

* * *

Словно искра, даль скоро,
Дня сгорает маскарад,
Дня закат из бирюзы и смарагда.
Там где Ева и Адам
Пили вермут и «Агдам»
Под смарагдовым шатром виноградным.

Где дорог пустынных близ,
Средь глазниц пустынных изб,
Средь ветров, что напускались на избы,
Я неистово влюблюсь
В бирюзы закатной блюз,
Что положен на небес нотный лист был.

Время пулей в штиль летит,
Там где Уленшпигель Тиль
Шел по стогнам мимо башен и шпилей.
Где с икон облуплен лак,
Где лоза судьбу плела,
Где вино пил с нами Тиль Уленшпигель.

* * *

То ли дождь поливал, то ли толп то был гвалт.
То ли мгла, то ли пыль по углам полегла.
Я так глуп. Я глупее зеленых эвглен.
Меня некому клясть. Я вконец обнаглел.

Этот сплюснутый мир, словно воздух, промозгл.
Стонет мозг мой игрушечный, грузчика мозг.
Мир немых, чем тьма, в мире немых не те,
Мир из теплых тел вытянет иммунитет.

* * *

В глазах угрюмых окопались изб,
Что лишь тревожат и не греют.
На нас несется апокалипсис
Кругами Данта Алигьери.

Несется в мир, в порыве жечь его,
Обрушить край сей непочатый.
Не снизут милости ни женщины,
Ни дети не узрят пощады.

И дум ли валуны ворочая,
В строку ища ли ассонансы,
Я разгляжу войну воочию,
Куда нас втравят отцы наций.

Провижу их мораль пацанскую,
Чей дух мятежен и тщеславен.
Что бурей вносится под санкции,
Когда уже в нем несть числа им.

И роковых эпох на слом иду,
Среди смертей ли выдать слалом.
Когда мир смолот в дым, и смолоду
В нас слов спасительных не стало.

Когда земля почти подохла вся,
Когда досасывает нефть чернь,
Я растворюсь в дыханье охлоса,
Ведь больше раствориться не в чем.

* * *

Как во дворах развешаны штаны
И наволочек сохнувшие клочья,
Развешаны полотна тишины
В чертогах надвигающейся ночи.

Разомкнут речи стонущий контакт,
В урочищах бывшего стало тихо.
Не слышен гомон уличных кантат,
Лишь фонарей пылают сталактиты.

Лишь пламенеет звездная спираль
И в мякоть тьмы огня вгоняет кортик.
А город, словно гимн из-под пера,
Из-под кайла щербатого выходит.

И, оседая пылью на кайле,
Несется город, набожен и бражен,
По капищу обрубленных аллей,
Над зиккуратом старой телебашни,

Среди заборов выморочных лент,
Крещенный в урн обугленных купелях.

Пока держава, вставшая с колен,
Блюдет умы грядущих поколений.

Кому из подземелья, кому вниз
Пока вершит — как карта кому ляжет —
Снует в цепях, как призрак коммунизм,
Над крыш броней и парков камуфляжем,

Веригами гремя, не сколотив
Себе ни капитала, ни приюта,
Грядет на край, где света сталактит
Последнее пристанище в краю том.

Грядет на край, где робкие шуты
Опять молчат, наполучав по шапкам.
Где воздух буен, будто нашатырь,
Где небосклон безжалостно распатан.

* * *

Смерть легка, ее надобно гнать из,
Гнать из мыслей затертых лекал.
Сытой смерти бессовестен натиск,
Смерть, как сахар горячий, липка.

Кому клановый трон, кому на кол,
Кому крест, кому лакомый нал.
Смерть вместительна, как коммуналка,
Смерть таинственна, как Колыма.

* * *

Лед нечитанных книг я мучительно плавил,
Робко прячась в отопленном пищею теле.
Я словами последними крепко облаян,
До беспамятства лютой судьбой отмечен.

Нас под руки ли грозно ведут, под уздцы ли,
Или сами мы по свету бродим без цели.
Мы по-свойски киваем Харибде и Сцилле,
Волоча в рюкзаке за собою бестселлер.

О бесчестиях стерпленных мысли кишели.
О бесчувствии тех, кто на царство посажен.
Нам позор оседает на руки и шеи,
Нам промзон оседают на память пейзажи.

На нас смерчами мчатся фабричные трубы.
Гулко страха биенье в висках нагнивает.
Наше время несется на верную убыль.
Усыпает под копотью страсть огневая.

Усыпает борьба под завалами спеси,
Среди серых мерзлот нас свобода оставит.
Но я слышу, что снова слагаются песни,
Как слагается почва земными пластами.

* * *

Я стою на высокой плотине
Своих лет, и сколь ни отрицай их,
Мне едва ли случится полтинник.
Но, наверное, стукнет тридцатник.

Сколько лютых, косматых я бед знал,
Сколько ужаса, тщетно борясь с ним.
На меня прут удушливой бездной
Тридцать лет непрерывной боязни.

И о времени реку лощиться
Будут выступы нрава блажного.
Да. Скорей всего, это случится.
Что ж, наверное, так и должно быть.

Тридцать лет истерической дрожи,
Когда невыносимо и страшно.
И зачем я до этого дожил?
Разве стоило делаться старше?

Разве в этой зловонной болезни
Бедный ум не повалится с воза?
Где на мыслях почкуется плесень.
Где на коже безумствует возраст.